

Л. Н. ТОЛСТОЙ

**Ответ на постановление Синода
от 20–22 февраля и на полученные мною
по этому поводу письма (1901)**

He who begins by loving Christianity better than truth, very soon proceeds to love his own church or sect better than Christianity and ends in loving himself better than all.

*Coleridge**

Я не хотел сначала отвечать на постановление обо мне Синода, но постановление это вызвало очень много писем, в которых неизвестные мне корреспонденты одни бранят меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другие увещевают меня поверить в то, во что я не переставал верить, и третьи выражают со мной единомыслие, которое в действительности едва ли существует, и сочувствие, на которое я едва ли имею право; и я решил ответить и на самое постановление, указав на то, что в нем несправедливо, и на обращение ко мне моих неизвестных корреспондентов.

Постановление Синода вообще имеет много недостатков. Оно незаконно или умышленно двусмысленно, оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к дурным чувствам и поступкам.

Оно незаконно или умышленно двусмысленно потому, что если оно хочет быть отлучением от Церкви, то оно не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может произноситься та-

* Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более истины, очень скоро полюбит свою Церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (свое спокойствие) больше всего на свете (Кольридж)¹.

кое отлучение; если же это есть заявление о том, кто не верит в Церковь и ее догматы, не принадлежит к ней, то это само собой разумеется и такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи, в сущности, отпущением, оно бы казалось таковым, что, собственно, случилось потому, что оно так и было понято. Оно произвольно потому, что обвиняет одного меня в неверии во все пункты, выписанные в постановлении, тогда как не только многие, но почти все образованные люди разделяют такое неверие и беспрестанно выражали и выражают его и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах, и в книгах.

Оно неосновательно потому, что главным поводом его появления выставляется большое распространение моего совращающего людей лжеучения, тогда как мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня и распространение моих писаний о религии благодаря цензуре так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановление Синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною писано о религии, как это видно из полученных мною писем.

Оно содержит в себе явную неправду, так как в нем сказано, что со стороны Церкви были сделаны относительно меня не увенчавшиеся успехом попытки вразумления. Ничего подобного никогда не было.

Оно представляет из себя то, что на юридическом языке называется клеветой, так как в нем заключаются заведомо несправедливые, клонящиеся к моему вреду утверждения.

Оно есть, наконец, подстрекательство к дурным чувствам и поступкам, так как вызвало, как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и нерассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах. «Теперь ты предан анафеме и пойдешь по смерти в вечное мучение и издохнешь, как собака... анафема ты, старый черт... будь проклят!» — пишет один. Другой делает упреки правительству за то, что я не заключен еще в монастырь, и наполняет письмо ругательствами. Третий пишет: «Если правительство не уберет тебя, мы сами заставим тебя замолчать». Письмо кончается проклятиями. «Чтобы уничтожить прохвоста, тебя, — пишет четвертый, — у меня найдутся средства...» (следуют неприличные ругательства). Признаки такого же озлобления я после постановления Синода замечаю и при встречах с некоторыми людьми. В самый день 25 февраля, когда было опубликовано постановление, я, проходя по площади, слышал слова: «Вот дьявол в образе человека», и если бы толпа была иначе со-

ставлена, очень может быть, что меня бы избили, как избили несколько лет тому назад человека у Пантелеймоновской часовни.

Так что постановление Синода вообще очень нехорошо. То же, что люди, подписавшие его, так уверены в своей правоте, что молятся о том, чтобы Бог сделал меня для моего блага таким же, каковы они, не делает его лучше.

Это так вообще; в частности же постановление это несправедливо в следующем. В постановлении сказано: «Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достоинство, явно перед всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его матери, Церкви Православной».

То, что я отрекся от Церкви, называющей себя Православной, это совершенно справедливо.

Но отрекся я от нее не потому, что я восстал на Господа, а, напротив, только потому, что всеми силами души желал служить Ему. Прежде чем отречься от Церкви и единения с народом, которое мне было невыразимо дорого, я, по некоторым признакам усумнившись в правоте Церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение Церкви; теоретически я перечитал все, что мог, об учении Церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие, практически же строго следовал в продолжение более года всем предписаниям Церкви, соблюдая все посты и все церковные службы. И я убедился, что учение Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же — собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающего совершенно весь смысл христианского учения.

Стоит только почитать требник, проследить за теми обрядами, которые не переставая совершаются духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидеть, что все эти обряды — не что иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни. Для того чтобы ребенок, если умрет, пошел в рай, нужно уметь помазать его маслом и выкупать с произнесением известных слов, для того чтобы родильница перестала быть нечистой, нужно произнести известные заклинания; чтобы был успех в деле или спокойное житье в новом доме, для того чтобы хорошо родился хлеб, прекратилась засуха, для того чтобы излечиться от болезни, для того чтобы облегчилось положение умершего на том свете, — для всего этого и тысячи других обстоятельств есть известные заклинания,

которые в известном месте, за известные приношения произносятся священником.

Я действительно отрекся от Церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей и мертвое мое тело убрали бы поскорее, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым.

То же, что сказано, что я «посвятил свою литературную деятельность и данный мне от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви», и т. д. и что я «в своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых мною, так же как и учениками моими, по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, проповедую с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской...», то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространении своего учения.

Правда, я сам для себя выразил в сочинениях свое понимание учения Христа и не скрывал этого сочинения от людей, желавших с ним познакомиться, но никогда сам не печатал их; говорил же людям о том, как я понимаю учение Христа только тогда, когда меня об этом спрашивали.

Таким людям я говорил то, что думаю, и давал, если у меня были, мои книги.

Потом сказано, что я «отвергаю Бога во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаю Господа Иисуса Христа, Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради, человек, и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицаю бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождества и по рождестве Пречистой Богородицы». То, что я отвергаю непонятную Троицу и басню о падении первого человека, историю о Боге, родившемся от Девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо. Бога же Духа, Бога — любовь, единого Бога — начало всего не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении.

Еще сказано: «Не признает загробной жизни и мздовоздаяния». Если разумеют жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами и рая — постоянного блаженства, — совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни, но жизнь вечную и возмездие здесь и

езде, теперь и всегда признаю до такой степени, что, стоя по своим годам на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, т. е. рождения к новой жизни, и верю, что всякий добрый поступок увеличивает благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его.

Сказано также, что я отвергаю все таинства. Это совершенно справедливо. Все таинства я считаю низменным, грубым, не соответствующим понятию о Боге и христианскому учению колдовством и, кроме того, нарушением самых прямых указаний Евангелия...

В крещении младенцев вижу явное извращение всего того смысла, который могло иметь крещение для взрослых, сознательно принимающих христианство; в совершении таинства брака над людьми, заведомо соединившимися прежде, и в допущении разводов, и в освящении браков разведенных вижу прямое нарушение и смысла и букв евангельского учения. В периодическом прощении грехов на исповеди вижу вредный обман, только поощряющий безнравственность и уничтожающий опасение перед согрешением. В елеосвящении, так же как и в мироподании, вижу вредный обман колдовства, как и в почитании икон и мощей и как во всех тех обрядах, молитвах и заклинаниях, которыми наполнен требник. В причащении вижу обоготворение плоти и извращение христианского учения; в священстве, кроме явного приготовления к обману, вижу прямое нарушение слов Христа, прямо запрещающего кого бы то ни было называть учителями, отцами, наставниками (Мф. 23 : 8–10). Сказано, наконец, как последняя и высшая степень моей виновности, что я, ругаясь над самыми «священными предметами веры, не содрогнулся подвергнуть глумлению священнейшее из таинств — «Евхаристию».

То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священник делает для приготовления этого так называемого таинства, то это совершенно справедливо. Но то, что это так называемое таинство есть нечто священное и что описать его просто, как оно делается, есть кощунство, это совершенно несправедливо. Кощунство не в том, чтобы назвать перегородку перегородкой, а не иконостасом, и чашку чашкой, а не потиром, и т. п., а ужаснейшее, неперестающее, возмутительное кощунство в том, что люди, пользуясь всеми возможными средствами обмана и гипнотизации, уверяют детей и простодушный народ, что если нарезать известным способом и при произнесении известных слов кусочки хлеба и положить в вино, то в кусочки эти входит Бог; что тот, во имя кого живого вынется кусочек, тот будет здоров,

во имя же кого умершего вынется такой кусочек, то тому на том свете будет лучше, и что тот, кто съест этот кусочек, в того войдет Сам Бог.

Ведь это ужасно!

Как бы кто ни понимал личность Христа, то учение Его, которое уничтожает зло мира так просто, легко, несомненно дает благо людям, если только они не будут извращать его.

Это учение все скрыто, все переделано в грубое колдовство купания, мазания маслом, телодвижений, заклинаний, проглатывания кусочков и т. п., так что от учения ничего не осталось. И если когда какой человек попытается напомнить людям, что не в этих волхвованиях, не в молебствиях, обеднях, свечах, иконах учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга, не платили злом за зло, не судили, не убивали друг друга, то поднимается негодование тех, которым выгоден этот обман, и люди эти во всеуслышание, с непостижимой дерзостью говорят в церквях, печатают в книгах, газетах, катехизисах, что Христос никогда не запрещал убийство (казни, войны), что учение о непротивлении злу с сатанинской хитростью выдуманно врагами Христа*.

Ужасно, главное, то, что люди, которым это выгодно, обманывают не только взрослых, но, имея на то власть, и детей, тех самых детей, про которых Христос говорил, что горе тому, кто их обманет. Ужасно то, что люди эти для своих маленьких выгод делают такое ужасное зло, скрывая от людей истину, открытую Христом и дающую благо, которое не уравнивается и в тысячной доле получаемой ими от того выгодой. Они поступают как тот разбойник, который убивает целую семью из 5–6 человек, чтобы унести старую поддевку и 40 коп. денег. Ему охотно отдали бы всю одежду и все деньги, только бы он не убивал их. Но он не может поступить иначе. То же и с религиозными обманщиками. Можно бы в 10 раз лучше, в величайшей роскоши содержать их, только бы они не губили людей своим обманом. Но они не могут поступать иначе. Вот это-то и ужасно. И потому обличать их обман не только можно, но должно. Если есть что священное, то никак уж не то, что они называют таинством, а именно эта обязанность обличать их религиозный обман, когда видишь его.

Если чувашин мажет своего идола сметаной или сечет его, я могу не оскорблять его верования и равнодушно пройти мимо, потому что он делает это во имя чуждого мне, своего суеверия и не касается того, что для меня священно, но когда люди своим диким суеверием, как бы много их ни было, как бы старо ни было

* Речь Амвросия, епископа Харьковского.

их суеверие и как бы могущественны они ни были, во имя того Бога, Которым я живу, и того учения Христа, которое дало жизнь мне и может дать ее всем людям, проповедуют грубое колдовство, я не могу этого видеть спокойно. И если я называю по имени то, что они делают, то я делаю только то, что должен, чего не могу не делать, если я верую в Бога и христианское учение. Если же они обличение их обмана называют кощунством, то это только доказывает силу их обмана и должно только увеличивать усилия людей, верующих в Бога и в учение Христа, для того чтобы уничтожить этот обман, скрывающий от людей истинного Бога.

Про Христа, выгнавшего из храма быков, овец и продавцов, должны были говорить, что он кощунствует. Если бы Он пришел теперь и увидел, что делается Его именем в Церкви, то с еще большим и законным гневом, наверное, выкинул бы все эти ужасные антимины, и копыя, и чаши, и свечи, и иконы, и все то, посредством чего они, колдуя, скрывают от людей Бога и Его учение.

Так вот что справедливо и что несправедливо в постановлении обо мне Синода. Я действительно не верю в то, во что они говорят, что верят. Но я верю во многое, во что они хотят уверить, что я не верю.

Верю я в следующее: верю в Бога, Которого понимаю как Духа, как Любовь, как Начало всего. Верю в то, что Он во мне и я в Нем. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, Которого понимать Богом и Которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека в исполнении воли Бога, воля же Его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого человека поэтому только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу, даст после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем более всего другого содействует установлению в мире царства Божия, т. е. такого строя жизни, при котором царствующие раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собою. Верю, что для преуспевания в любви есть только одно средство: молитва — не молитва общественная, в храмах, прямо запрещенная Христом (Мф. 6 : 5–13), а молитва, образец которой дан нам Христом, уединенная, состоящая в восстановлении и укреплении в своем сознании смысла своей жизни и своей зависимости от воли Бога.

Оскорбляют, огорчают или соблазняют кого-либо, мешают чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои верования, — я так же мало могу их изменить, как свое тело. Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никак иначе верить, как так, как я верю, готовясь идти к Тому Богу, от Которого изошел. Я не говорю, чтобы моя вера была одна несомненно на все время истинна, но я не вижу другой — более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца. Если я узнаю такую, я сейчас же приму ее, потому что Богу ничего, кроме истины, не нужно. Вернуться же к тому, от чего я с такими страданиями только что вышел, я никак уже не могу, как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вышла.

«Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более истинны, очень скоро полюбит свою Церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (свое спокойствие) больше всего на свете», — сказал Кольридж.

Я шел обратным путем. Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия; потом полюбил христианство более своей Церкви, теперь же люблю истину более всего на свете. И до сих пор истина совпадает для меня с христианством, как я его понимаю. И я исповедую это христианство, и в той мере, в какой исповедую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь к смерти.

Лев Толстой
4 апреля 1901 г., Москва

